

Ф. БОГУШЕВИЧ О ПОЗИТИВЕ И НЕГАТИВЕ В МЕНТАЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX века

О «прописке» своего творчества в родном белорусском этносе, своем крае Ф. Богушевич недвусмысленно заявил в предисловиях к двум поэтическим книгам своих произведений – «Дудке белорусской» и «Смыке белорусском». Во-первых, поэт стал на защиту роли родного языка как главной меты, говоря его словами, «адзежы душы» народной, хранительницы ментальности народа с древнейших времен. Во-вторых, наполнил несведущим о том, что в средние века этот, белорусский, язык был государственным в великой державе Литве, точнее, Великом княжестве Литовском, которое распростерлось «ад Балтыцкага мора ўдоўжкі аж да Чорнага, ад Дняпра і Днястра ракі да Нёмна, ад Каменьца места аж да Вязьмы – у сярэдзіне Вялікаросіі; ад Дынабурга і за Крамяньчук». В центре же этого большого государства «як тое зярно ў гарэху, была наша зямліца Беларусь». Обозначил поэт и территориальные параметры собственно Беларуси: «там, братцы, яна, гдзе наша мова жыве; яна ад

Вільна да Мазыра, ад Вітэбска за малым не да Чарнігава, гдзе Гродна, Мінск, Магілёў, Вільня і шмат мястэчкаў і вёсак...». Очень верно определил Богушевич национальное, ментальное достоинство народа края, признанное другими народами, запечатленное в эпитете *белая*: «Не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая: нікога не біла, не падбівала, толькі баранілася». В предисловии к «Смыку белорусскому» автор вступил в полемику с теми поэтами, которые, как ему представилось, неверно отразили жизнь родного народа и края. Брошен упрек Дунину-Марцинкевичу, творения которого «усе як бы смеючыся з нашага брата» писаны, где нет подлинного представления о народной жизни, а отражена только ее поверхностно-комическая сторона. Упрек не заслуженный. Его можно объяснить только тем, что Богушевич не был знаком с коронными вещами Дунина-Марцинкевича – комедиями «Пинская шляхта» и «Залёты». То же и в оценке «Господских забав» какого-то пана Юрки (речь шла о сатирическом проиведении Ф. Топчевского). Упреки известным и анонимным авторам вызваны тем, что в их художественных творениях не было реалистической глубины. Возмущало Богушевича и однообразие тональности песен этих авторов, преимущественно грустной, жалобной. Не песни, а плачи. Не приемлет автор «Смыка» и проникновение в белорусскую провинцию житейского прагматизма, корыстных отношений, зависти: «надта за хлебам народ гоніцца, а хлеба дастане, дык і за крамнай вопраткай, і за ляксаванымі ботамі гоніцца, і ўсё маркоціцца».

Если в предисловии к первой книге, в основе идеологии которой была ориентация на мировидение основного сословия нации – крестьянства, аргументирована настоятельная необходимость достойного места крестьянства среди других сословий этноса, как и признание права языка коренного сословия пригодным обслуживать все сферы жизнедеятельности этноса края – государственную, правовую, культурную, школьную, эстетическую, то в предисловии ко второй книге на первый план поставлены этический и эстетический аспекты. Проникновенно сказано И. Янушкевичем, что «предисловия Ф. Богушевича стали своеобразным манифестом белорусского национального возрождения» [3, с. 383].

В.В. Борисенко верно заметил, что в «устно-поэтическом творчестве народа образы музыкальных инструментов (рожка, цымбал, гуслей, скрипки) часто выступают в роли поэтических воплощений различных видов народного искусства. Эта фольклорная традиция символизации народных музыкальных инструментов была воспринята и перенесена в белорусскую литературу писателями, которые были близки народу» [1, с. 215]. К этой традиции подключился и Ф. Богушевич, воплотивший

свою музу в образах музыкальных инструментов (рожка и смычка), тем самым поэт как бы демонстрировал, с одной стороны, чисто народное, мужицкое происхождение своего творчества, с другой же стороны, – «живую связь его с народной жизнью» [1, с. 216].

Смена музыкальных инструментов, достойно воплощающих суть музыки поэта на разных этапах его творческого пути, отразила заметную эволюцию творческих исканий поэта. На первом этапе, этапе «Дудки белорусской» (думается, символ пастушьего рожка, смонтированного из древесной коры, знаковый) утверждались приоритеты всего мужицкого, крестьянского, синонима этнического, белорусского. Во имя этих приоритетов беспощадной критике подвергалось все господское, панское, власти предрержащие, чиновники, с которыми крестьянам приходилось вступать в непосредственные отношения. Сверхзадача у музыки обоих поэтических книг Ф. Богушевича одна – вещать всему миру о горестях и бедах родного края. Это воплощено в ярких гиперболических сравнениях заглавного стихотворения первой книги – «Каб скакалі горы, Як фалія на моры»; «Каб свет заваліўся Ды ўсё круціўся». Тот же вселенский разворот и в мелодиях песен, исторгаемых смычком от соприкосновения с ландшафтными деталями родного края: «Каб той голас чуць Па ўсёй зямлі, гдзе людзі жывуць, гдзе людзі жьбіі». Более того, мелодия, которую может родить смычок от прикосновения к дубу, уподоблена мелодии той трубы, «што пазаве на суд У апошні час Увесь Божы люд». Но цель второй книги поэта, декларированная в программном стихотворении, несколько отличается от цели первой. Во второй книге заметен поворот к совершенствованию нравов соплеменников: «Каб пачуў усяк, Ды каб літаць меў, Каб цвёрды размяк, Каб мяккі аж млеў».

Мужицкое, крестьянское, основа белорусского, этнического (социальное и правовое положение, быт, одежда, жилье, занятия, этика, вера) резко в поэзии и прозе Ф. Богушевича противопоставлены господскому, реже чужеродному, свойственному человеку иного этноса (немцу, еврею, русскому). В типовых ситуациях тогдашней жизни – во взаимоотношениях с господами (панам), полицейскими и судовыми чинами и другой чиновней камарильей – коренной житель края социально унижен, бесправен, им помыкает каждый власть имущий. Унижено человеческое достоинство белоруса. В нем предпочитают видеть бессловесного раба, рабочего скота. Но поэт-демократ, досконально знавший этническую духовность своего народа, его живой, искрометный ум, запечатленный в нравах, обычаях, фольклоре, во всеоружии их проявил себя подлинным адвокатом своего края и этноса не только по юридическому, служебному, но и по сыновнему духовному призванию.

Визитной карточкой поэта-демократа, народного защитника можно по праву назвать его коронное стихотворение с ироническим названием «Дурны мужык, як варона». Кстати, расхожее официальное мнение о мужике как глупом исконно дезавуировалось в фольклоре не одного белорусского народа, в интермедиях белорусской школьной драмы XVI–XVII вв. Не случайно в первой книге поэта текст «Дурны мужык, як варона» следует за его творческим кредо «Мая дудка». Извечное бытие землепашца-бедолаги прослежено во всех стадиях земледельческого календаря. Глупым мужик мнится социальной, материально обеспеченной и чиновной элите. Глуп он и потому, что терпеливо несет тяжелый крест своей обездоленной судьбы, но на самом деле благодаря его стараниям и смекалке возделаны урожайные нивы, зерно свезено в государственные закрома, скошены луга и сложено множество стогов сена. Мужик же и его домашний скот по воле богатеев и власть имущих живут впроголодь. Стараниями мужика выстроены высокие храмы, костелы, волостные строения крыты жостью, а он, бедолага, продолжает жить в мокрой яме, дырявые двери которой закрыты грязными онучами. Поэт мастерски сопоставляет в тексте стихотворения исконную атрибутику этнического бытия народа и промышленный прогресс конца XIX века, который отнюдь не на пользу мужику:

Глядзі! Горы паразрыты,
А чыгункай свет абвіты;
Усё з мужыцкай цяжкай працы,
Усе едуць у палацы.
У мужыка ж няма білета...

Постоянно, в каждой строфе повторяемый рефрен о мужике глупом, как ворона, в заключительной строфе маркирован знаком вопроса: «Ці ж не дурань мужык гэты?». Так поэт пеняет своему персонажу за его долготерпение. Атрибутика неустроенности, ветхости, открытости ветрам и холоду крестьянского жилья – этого этнического знака прошлого белорусской деревни – найдет место в поэме «Кепска будзе!», в стихотворениях «Мая хата», «Не цурайся». Поэт от имени мужика констатирует: «Кепска мая хатка, падваліна згніла, І дымна, і зімна... На страсе мох вырас, на маху бярозкі» («Мая хата»). Неустроенность крестьянского быта фиксируется и в другом тексте: «А кінь вокам на хату маю: І цячэ, і гніе, і крывая, Усярэдзіне гной і стаіць на гнаю». Грязна и крестьянская одежда: «На кашулю глядзіш кривым вокам, Што ў хаце мне бабы пашылі, Прапацела яна маім сокам, Цэлы тыдзень яе не

памылі». Вряд ли герой Богушевича доволен своими нарядами и жильем. Он тычет ими в глаза тем, от кого зависит его дальнейшая судьба, требует от них, чтобы были созданы ему такие условия, при которых мужик смог бы переселиться в обустроенную избу, сшить чистую рабочую одежду. Ему без надобности белая сорочка и фрак. В сатирах «Бог не роўна дзеле» и «Горе», которая имитирует жанр народной песни, поэт винит не Бога, который якобы не поровну делит блага на земле и ниспосылает крестьянину беды и несчастья вместе с душою, а социально несправедное мироустройство, где имущий отделен от неимущего непроходимой стеной, обречен на нищенское, раздетое, разутое существование.

Чуждыми этнической крестьянской ментальности представлены господа, их наряды, забавы, игрища. Воспроизводя в своей книге текст Ф. Топчевского «Панскае ігрышча» (под псевдонимом Юрка) и полемически оценивая его в своем «Адказе Юрцы на «Панскае ігрышча» Богушевич достигает «стереоскопического» сатирического обличения того, что чуждо здоровому этническому образу жизни. В тексте Ф. Топчевского за якобы удивленным любованием простодушного простолюдина господскими образом времяпровождения и нарядами сквозит тонкая ирония. Особенно неприглядны, с крестьянской точки зрения, женские наряды, фасоны юбок, напоминающие конское седло. В тексте же Богушевича художавыя фігуры и иноземные наряды дам откомментированы с едким сарказмом, где выражены и сомнения в интеллектуальной и нравственной полноценности персонажей:

А што ценкія паненкі,
А высокі ў іх зад,
Ото ж розум у іх ценкі,
Дык і выйшаў такі склад.

То же и в отношении к нарядам и пиршеству господ:

А што паны ядуць ласа
І што смагла могуць піць:
Ото соляць сваё мяса,
Бо ўжо сталі чыста гніць!..

Этнически здоровой ментальности народа чужда интеллектуальная и нравственная деградация господ. Чужда этой ментальности этика инородцев – немцев, евреев и чиновников-русских. Немцы и евреи, поселившиеся в белорусской провинции, изображены как спекулянты, скупщики

господских угодий, торгаши, утверждающие рыночные отношения, не приемлемые большинством белорусских крестьян («Немец», «Жыдок»). Поэт едко изобличает новоявленных торгашей на родной земле:

А што жyd да немец – дзеці аднэй маткі:
І мова падобна, і адны ўхваткі.
І абодва ласы на чужую працу...
Абодва абдураць, абдзяруць як ліпку,
Адбяруць і сошку за бітую скрыпку.

Оба инородца изображены как спекулянты и обиралы, уничтожающие уникальные богатства края, его леса. Русский же барин представлен как нравственно нечистоплотный: «і наш рускі кінуўся за граніцу: пакінуў і жонку, адрокся і дзеці...». Об антибелорусской деятельности подобных колонизаторов писал И. Янушкевич, анализируя рассказ «Тралялёначка», изображенный в нем образ русского барина: «Такія “ганаралы”, як Прыбалдаў, развальвалі эканоміку Беларусі, марнавалі зямлю» [4, с. 9]. Еврей, разбогатевший на торговле спиртным в деревне, стал господином в округе, водившим дружбу со всеми местными чинами: «ён з суддзёю, ён з маршалкам. Ён з пасрэднякам... як валкам, Круціць імі» («Жыдок»). Но все же персонаж упомянутого стихотворения не обделен добрым отношением к народу. Иногда поэт давал белорусскому крестьянину совет учиться мудрости у евреев («Падарожныя жыды»). Негативное отношение к русскому чиновнику и казаку вызвано тем, что они насильственно стремились вернуть белорусов, католиков и униатов, в православную веру («Хрэсьбіны Мацока»). Крестьянин Матвей, сберегая свое человеческое достоинство и веру, демонстрирует «силу, закалку, несгибаемость, высоту духа» [3, с. 392].

Ф. Богушевича особенно беспокоила порча нравов родного народа в пореформенное время. Это отражено не только в предисловии к «Смыку белорусскому», но и в ряде сюжетов поэтических текстов. Для сатирического изобличения нравственных изъянов ментальности народа поэт удачно использовал сюжеты народных преданий, быличек о продаже человеком души дьяволу («Хцівец і скарб на святога Яна», «Гдзе чорт не можа, там бабу пашле» и др.). Жадность к деньгам, нечистые помыслы искорежили, «загрязнили» душу человека, который ради сиюминутной наживы продался нечистой силе, обратился за помощью к ведьме. Народная рассудительность и мудрость в упомянутом сюжете завещана читателю как оберег от житейской скверны. Эта скверна в народных легендах нередко связывалась с излишними женскими любопытством и болтливостью. Ради

выгоды женщина способна на проделки, которые даже не под силу черту («Гдзе чорт не можа, там бабу пашле»). Хитроумные проделки женщины, ее лживость и лукавство способствовали разладу в благополучной крестьянской семье. Все-таки надо признать, что поэт порой утрачивал меру в критике женских недостатков, приравнивая их к дьявольским: нечистый «слухае бабских рад, У бабскай круціцца грамадзе І ў пекле тым трымае лад!». Думается, преувеличено и количество женщин в чистилище: «А што баб і дзявок – сказаць так – утрое больш як мужчын ёсць...». Основные грехи женщин: непомерная болтливость («языкі ж даўжыні – так, як добры ручнік»), сводничество, супружеские измены («Надта шмат маладых, што дурылі мужоў, чараўніц, а і зводняў найшоў»). Поэт доверился фольклорным оценкам места женщин в этническом социуме.

Цикл песен фольклорного склада открыт текстом о горестной доле вдовы. Пожалуй, эта доля извечна, что зафиксировано художественно в параллелизме, открывающем и завершающем текст песни:

Павек-векаў ручаёчак
Брызгі раскідае, –
Павек ўдоўка сярод ночак
Вочкі выцірае!

Тональность второй песни иная. Ее персонаж, бывший крестьянин, действует, мыкает горе не только на просторах родной земли, но с горем своим добрался даже до Америки («Гора»). В песне преодолена не только пространственная закрытость, ограниченность традиционной народной песни, но и отринута заунывная тональность ее. Персонаж и сетует на свою долю, но и как бы посмеивается над ней, сомневается в ее извечности. Глаголом «мусіць» подчеркнуты факультативность, а не обязательность ситуации, сомнения в том, что мужик с горем повязан навечно. С горькой иронией перечислены все уловки, изобретаемые способы избавления от по-фольклорному персонифицированного горя, наделенного хваткой ловкого, непотопляемого злодея. Горе, как Кошечей бессмертный в народных сказках, хочет быть неистребимым. Оно не тонет в воде, не горит в огне, рвет веревку, которой привязали его к пню в глухом лесу, вылезает из глубокой ямы, куда его зарыли, убегает из дырявого лаптя, не дает покоя даже в далекой Америке, куда отвез его беспокойный и ушлый белорус. Сомнение в извечности горя народного выражено в неуверенном сетовании на волю Божью: «Мусіць, Бог яго з душою, Разам возьме, разам даў». Ирония и юмор помогают поэту преодолеть однообразную тональность жалоб, плачей, при-сущих прежним белорусским фольклорным и литературным песням. Стиль

народных фольклорных перевертышей, потешек заметен в третьей «Песне». Народная поговорка «курам на смех» реализована в типичных ситуациях неумелого хозяйствования отдельных крестьян. Над пахарем-неумехой смеется сорока, глядя на его «мастерство», дохнут кони. Издеваются над ленивым и нерадивым хлеборобом волки, зайцы. Нерадивость ленивых хозяев, бессмыслица их бытия выявлена при помощи невероятных ситуаций:

Конь пасецца на лапаце,
А на вербе растуць дулі.

Ой, на прыпечку ў балоце
Лавіў рыбу гаспадар,
А пры выгане на плоце
Хаваў грошы арандар.

Не щадил поэт и нерадивых парней, лентяев и выпивох, чье поведение выламывается из этнической и трудовой повседневности («Сватаны»). Иронически обыгрывая обычай сватания жениха к невесте, поэт создает портрет удалого парня «наоборот». Он и голодранец, «до работы без руки», «рад спаць у леце». Работяга же из него «миру на диво»: косит палкой, пашет через пень-колоду. Зато он первый в корчме – выпивоха и драчун, с разумом берложного животного. В будущей семье у него «Ласа есці, смагла піць Не будзе адказу. А па шлюбe жонку біць Дык пачне адразу». Не лестны характеристики и нерадивой невесты («Сватаная»). И здесь поэту, как и в других текстах о женщинах, изменяет такт, заметен излишний натурализм: «А як ставе гаршкі ў печ З носу цякуць саплі, Як вымае гаршкі прэч, Дык стравы ні каплі». Танцует же она так, как теленок, убегающий от гнуса, в танце «парвець чыста андарак і лапці да боса»; в одежде же ее – «на пале чэрві завяліся». Есть и приданое у нее – внебрачный ребенок.

Беспощадно разоблачены белорусские дворяне, магнаты, разбазаривающие национальное достояние, продающие не только нивы, леса, но и честь своих жен, дочерей ради непотребств – обильной выпивки, новых наложниц. Честь и бывшая слава такими господами продана полностью (песня «Гарцуй, танцуй пане...»). Презрение к нерадивым, ленивым крестьянам, живущим бездумно, как и господам, лишенным этнической гордости, саркастически выражено в песне девятой. Мать-белоруска как наиболее приемлемую для нее и сына, родного народа тоже, в колыбельной песне новорожденному закликает только долю земледельца-труженика:

Ой не будзь ты лепей панам,
Ні вялікім капітанам,
Будзь чым матанька радзіла...
Каб век з табой векавала,
Гаравала, працавала.

(«Калыханка»)

Этот песенный цикл, в котором Ф. Богушевич искусно преодолел “плачевое” однообразие современной ему белорусской поэзии, был высоко оценен белорусскими литературоведами Н. Гринчиком, И. Янушкевичем [3, с. 393].

По авторитетному суждению Н. Гринчика, это «оригинальные поэтические произведения, проникнутые злободневным социально-этическим содержанием, близкие по стилистике к народным... Лаконичные фольклорные вставки и реминисценции, традиционные приемы эмоционального подчеркивания углубляют национальный колорит стихотворений... Прежде всего заметно усиление сатирических элементов, непосредственно связанных с традициями социально-бытовых сказок» [2, с. 425].

Виртуозно владея богатейшей гаммой мотивов и приемов сатиры – от уничтожающей, инвективной, едкой, насмешливой, иронической, до тонко и добродушно-юмористической, Ф. Богушевич поставил им на службу богатейшие наработки родного фольклора. Это позволило поэту многогранно, с богатейшими нюансами выявить суть духовности родного этноса, с его нетленными вершинами и досадными изъянами. Изъяны в нем обусловлены подневольным бытием народа, его подверженностью негативным воздействиям, идущим от старых властелинов жизни, магнатов и богатых дворян, так и новых, инородных и своих торгашей и нуворишей, скупающих имения и земли разоряющихся прежних хозяев. Не обошел поэт и нравственный негатив, насильственно насаждаемый мелкими имперскими чиновниками. Их в сюжетных ситуациях стихотворных и прозаических произведений Ф. Богушевича нередко обводят вокруг пальца белорусские крестьяне, как и традиционные фольклорные персонажи, прикидывающиеся простачками, своих антиподов.

В ментальности своих соотечественников поэт находил чаще всего чувства добрые. Ими в переизбытке был одарен отчим Алиндарки, который заботился о нем, как о родном сыне (поэма «Кепска будзе!»). На волю из острога Алиндарка вышел благодаря чуткому отношению следователя, снявшего с героя обвинения, ложно сфабрикованные полицейскими-держимордами. Ф. Богушевич был глубоко убежден, что только на основе таких добрых чувств, сформированных подвижническим бытием народа, извечного труженика, можно возродить подневольный край. Поэт не только

многих своих героев оделял такими чувствами, но и совокупно представил их в мастерски выполненном завещании («Афяра»). В этом нравственном кредо белоруса лирический герой просит пожилую женщину молиться за него, чтобы он «панам ніколі не быў, Не жадаў бы ніколі чужога, Сваё дзела як трэба любіў». Не унижать подчиненных, не корчить спину и не заискивать перед начальством, быть совестливым, не желать чужих жен, а самозабвенно любить свою, точнее, все заповеди Моисеева декалога советует блюсти поэт. Главное же – не изменить своему народу, не продать за деньги свою Отчизну, не зариться на земли соседей, считать всех людей своими братьями. Своих читателей Ф. Богушевич ориентировал на всестороннее познание родных края и народа, советовал опираться прежде всего на свое, а не на чужеродное: «Сонцу нашаму свяціцца, Піць нам са сваіх крыніцаў...». Активный участник вооруженной борьбы за независимость Беларуси, в юности – сторонник революционера К. Калиновского, в зрелые годы он ратовал за духовное оздоровление края на основе животворных этнических традиций. Только следуя им,

Зробім болей мы для краю,
Чым у бойках разам стойка
Праліваўшы кроў...

Поистине творчество Ф. Богушевича стало вершиной «национально-осознанной идеи белорусского возрождения в XIX ст., звеном, которое объединяет всю новую белорусскую литературу с ее возрожденческим подъемом в начале XX ст.» [1, с. 401].

Літаратура

1. *Барысенка, В. В.* Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя / В. В. Барысенка. – Мінск : Выд-тва АН Беларускай ССР, 1957. – 365 с.
2. *Гринчик, Н.* Францішак Багушэвіч // *История белорусской дооктябрьской литературы*. Ред. В.В. Борисенко, Ю.С. Пширков, Ю.А. Чемерицкий / Н. Гринчик. – Минск : Наука и техника, 1977. – С. 413–432.
3. *Янушкевіч, Я.* Францішак Багушэвіч / Я. Янушкевіч // *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў* : у 2 т. Т. 2 : Новая літаратура; другая палова XVIII–XIX стагоддзе. НАН Беларусі. Ін-т літ-ры імя Я. Купалы ; навук. рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2007. – С. 373–401.
4. *Янушкевіч, Я.* Абаронца праўды / Я. Янушкевіч // *Францішак Багушэвіч. Творы : Вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты*. – Мінск : Маст. літ., 1991. – С. 3–14.